

Индийская диаспора между политикой и бизнесом

Алексей Владимирович Куприянов, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: a.kupriyanov@imemo.ru

АННОТАЦИЯ

Формирование глобальной индийской диаспоры – один из важнейших процессов в условиях глобализации и трансформации мирового порядка. Представители этой диаспоры занимают все более высокие позиции в экономической и политической жизни стран проживания, но вопрос о том, какие дивиденды извлекает из этого Индия, вызывает дискуссии. Существует гипотеза, что по мере продвижения этнических индийцев на руководящие посты в крупных корпорациях и государственном аппарате зарубежных стран экономическое взаимодействие этих стран с Индией будет развиваться активнее, а их внешняя политика по отношению к Индии станет более дружественной. В данной статье автор пытается проверить эту гипотезу на примере Маврикия, Фиджи и США. Если в первом случае индийская диаспора составляет большинство населения, то во втором индийцы остаются дискриминируемым меньшинством. В США же индийцы, будучи меньшинством, широко представлены в политике, на государственной службе, высших управленческих позициях в бизнесе. Индийская диаспора стала важной частью внутриполитического ландшафта США, и во всех последних президентских администрациях индийцы занимали важные позиции. Сделан вывод, что ни в одном из рассмотренных случаев гипотеза о важной роли индийской диаспоры не подтверждается. На Маврикии, несмотря на абсолютный контроль диаспоры над жизнью острова, ее члены воспринимают себя прежде всего как часть маврикийской нации и не собираются действовать в политических интересах исторической родины и помогать ей в противостоянии с КНР. Диаспора на Фиджи представляет для Индии скорее внешнеполитическую проблему, вынуждая индийских политиков регулярно поднимать вопрос о ее дискриминации. Наконец, диаспора в США неохотно инвестирует в ключевые отрасли индийской промышленности, а политики индийского происхождения стремятся подтвердить лояльность новой родине вместо того, чтобы действовать в интересах Индии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Индия, диаспора, Фиджи, Маврикий, США, мягкая сила

Введение

Роль, которую индийская диаспора играет в политических, экономических и социальных процессах по всему миру, в последние десятилетия приковывает к себе все больше внимания. Причины этого очевидны: будучи до недавнего времени в основном региональным и достаточно ограниченным явлением, с началом эпохи глобализации она стала поистине общемировым феноменом. Индийцы все чаще занимают высокие позиции в политике и административной системе разных государств – от Гайаны до США и Британии. Более того, количество индийцев среди управляющих директоров (CEO) крупнейших компаний с каждым годом становится все больше. Возникает вопрос о том, не превращается ли индийская диаспора в полноценный инструмент «мягкой силы» Индии, который позволит ей влиять на политику других государств, включая великие державы, предоставит режим наибольшего благоприятствования для реализации ее политических амбиций и перенаправит финансовые потоки, которые помогут достичь взрывного экономического роста?

Пока, судя по всему, ответ отрицательный. Феномен глобальной индийской диаспоры существует уже более 30 лет. За это время Индия стала одной из великих мировых держав и вышла на четвертое место в мире по ВВП, но этот результат был достигнут в основном благодаря напряжению внутренних производительных сил; индийская диаспора сыграла в этом достаточно скромную роль. Этнические индийцы, достигшие политических и административных высот в других странах, демонстративно отстаивают интересы именно этих стран, а не метрополии. Индийские CEO озабочены главным образом вопросами личного успеха и интересами не Индии, а тех транснациональных корпораций, в которых они работают. Наконец, бизнесмены из диаспоры инвестируют в Индию, но зачастую не в те сектора, на которые рассчитывает индийское правительство. Исключения лишь подтверждают правило.

Данная статья стремится ответить на вопрос о причинах такого положения вещей. Автор полагает, что на поведение членов диаспоры в каждом случае влияет в первую очередь набор исторически сложившихся факторов, определяющих структуру индийской диаспоры, ее место в обществе, степень интенсивности связей диаспоры с метрополией и характер этих связей. Кроме того, для понимания специфики экономической роли диаспоры необходимо отойти от государствоцентричного подхода, отдельно рассматривая государство как набор институтов, структур, социальных практик, групп и индивидов, и общество, которое так же глубоко неоднородно.

Такой подход предполагает использование соответствующей *методологии*, в основе которой лежит инструментарий исторической социологии международных отношений. Наряду с историко-социологическим подходом автор использует конструктивистский подход к определению диаспоры, отрицая эссенциалистский взгляд на диаспору как часть «нации, простирающейся через различные территории и места, но тем не менее воображаемой как органичное и интегрированное целое»¹. Скорее наоборот: любая часть диаспоры, на наш взгляд, в

1 Wimmer, Schiller 2003, 598.

рамках взаимодействия в новой социальной и географической среде неизбежно формирует собственную идентичность, которая лишь отчасти совпадает с той идентичностью, которой обладает нация метрополии¹. Такой подход хорошо сочетается с традиционным регионально-страноведческим анализом, преобладающим в отечественных диаспоральных исследованиях. Он подразумевает широкое использование методов социологии, антропологии, исторического анализа для подробного рассмотрения конкретных страновых ситуаций. Кроме того, при анализе представлений индийских политических элит и экспертного сообщества о потенциальной роли диаспор как рычагов экономического и политического влияния автор применяет в работе методы критической теории, в частности критической геополитики².

Статья состоит из трех частей. В первой автор предлагает приблизительную классификацию южноазиатской диаспоры, не претендуя на полноту, но выделяя те части, которые имеют значение для исследования; во второй анализирует трансформацию представлений индийских политических элит о роли диаспоры; в третьей рассматривает специфику функционирования диаспоры на примере Маврикия, Фиджи и США.

Индийская диаспора: теоретический аспект

Формирование диаспоры (греч. διασπορά – рассеяние) – явление, уходящее корнями в глубокую древность. Исторически зафиксировано множество различных видов и вариантов диаспор. Так, в Древней Греции они варьировались от колонии-апойкии с образованием нового полиса до клерухии, юридически представлявшей собой географически отдаленную совокупность владений граждан за пределами полиса. Еще более сложный характер имела финикийская миграция, с определенного момента осуществлявшаяся силами народов, подвергшихся финикийскому культурному влиянию, при сохранении контакта с метрополией. Однако главным элементом диаспоры всегда оставалось ощущение сохранявшихся контактов с местом происхождения, которое достигалось за счет формирования частично совпадающей идентичности. Зачастую оно включало поддержание политических, экономических и социальных связей.

Среди многочисленных подвидов и форм индийской диаспоры можно выявить торговую, профессиональную, моряцкую, рабоче-поселенческую, а также диаспору беженцев.

Торговая диаспора. Начиная с давних времен она формировалась в портах политий, с которыми вели торговлю купцы Индостана. Наиболее известны индийские торговые диаспоры на Суахильском побережье, в портах Красного моря и Персидского залива, Аравийского побережья, Юго-Восточной Азии и Китая. Диаспора этого типа существовала и в России (Индийский торговый двор в Астрахани); позже, в период глобализации XIX в., она распространилась и на Новый Свет. Ее специфическими чертами являлись сохранение связи с городом-метрополией и значительная степень эндогамности. Вкупе с постоянной

1 Подробнее об этом подходе см.: Kisukidi 2019.

2 Tuathail 1996.

подпиткой новыми кадрами из метрополии и сравнительной стабильностью торговых отношений в домодерную эпоху это способствовало темпоральной и спатальной устойчивости диаспоры.

Профессиональная диаспора. В определенном смысле торговую диаспору можно рассматривать как часть профессиональной, но в данном случае речь идет о представителях определенных профессий, специальность которых востребована за рубежом: от южноазиатских погонщиков верблюдов в Австралии¹ до индийских IT-специалистов в США. Диаспора этого типа меньше связана с метрополией, при этом степень ее интеграции в принимающее общество варьируется в зависимости от местных условий.

Моряцкая диаспора может рассматриваться как частный случай профессиональной, однако со своими особенностями. В связи с высокой стоимостью найма и слабой приспособленностью моряков из европейских метрополий к тропическим условиям капитаны судов зачастую нанимали в портах Индийского океана местных моряков-ласкаров, которые таким образом попадали в европейские, прежде всего британские, порты. В результате в восточной части Лондона постепенно сложилось динамичное сообщество южноазиатских моряков. Состав этой диаспоры часто менялся, но рисунок морских путей, а также низкая стоимость, нетребовательность и высокая квалификация индийских матросов обеспечивали ее постоянное воспроизведение.

Рабоче-поселенческая диаспора. Она сложилась благодаря отмене рабства в Британии и других европейских странах и активной борьбе с работорговлей. На смену бесплатному рабскому труду пришел дешевый труд переселенцев, которые подписывали договор индентуры: компания обязывалась оплачивать их дорогу до места работы в дальних колониях, обеспечивать питание и проживание и выплачивать жалование, которое позволило бы им самостоятельно оплатить обратный проезд и сформировать некоторые сбережения. Если рабочие по истечении контракта решали не возвращаться в Индию, они в большинстве случаев могли получить землю для самостоятельной обработки, став фермерами; рабочая миграция тем самым становилась поселенческой. Распространению такого типа миграции способствовали как тяжелые условия жизни в Индии, особенно для низкокастовых сообществ, так и разрешение другим европейским странам, в первую очередь Франции, нанимать индийцев через систему индентуры. Специфика этого типа миграции позволяла самим мигрантам или их потомкам по окончании контракта сменить сферу деятельности, поощряла смешанные браки с местным населением, способствовала потере связи с метрополией.

Диаспора беженцев. Для нее характерен определенный разрыв идентичности, связанный с пережитым травматическим опытом. Применительно к Индии речь идет прежде всего о вторичной миграции индийского населения бывших британских колоний: торговцев, чиновников, наемных рабочих. Они ассоциировались у коренного населения новых национальных государств с практиками колониального угнетения, воспринимались как агенты колонизаторов на местах и

1 Anitya Rowchowdhuri, "How Sikh Hawkers Were Among the First to Conquer Australian Outback," The Indian Express, March 1, 2023, accessed June 23, 2025, <https://indianexpress.com/article/research/sikh-hawkers-afghan-cameleers-the-forgotten-first-wave-south-asian-settlers-of-australia-8465650/>.

потому подлежали репрессиям. Бегство в бывшую метрополию для многих представителей индийской диаспоры представлялось лучшим выходом.

Разумеется, перечень типов диаспор этим не исчерпывается. Так, существовала административная миграция, когда индийские чиновники, военные и полицейские на временной основе выезжали в новые колонии, чтобы поддерживать там порядок и административную власть, заводили там связи и контакты и после оставления службы иногда возвращались туда на постоянной основе; или религиозная, сопровождавшая все другие типы миграций.

Со временем изменение самого характера обществ, а также процессы глобализации и стирания социальных границ привели к исчезновению «чистых» типов диаспоры: потомки тех, кто переселился за океан в процессе формирования рабоче-поселенческой диаспоры, зачастую занимаются торговлей; в результате новых видов миграций – от образовательной до бизнес-миграции, объединившей в себе торговую, профессиональную и отчасти рабочую, – формируются новые подтипы диаспор. Тем не менее выделение исторических типов диаспор помогает понять, каким именно образом формировалась диаспора в той или иной стране.

Отношение к диаспоре в Индии

До того, как Индия получила независимость, отношение к миграции и, следовательно, к диаспоре в индийском обществе было неоднозначным. Оно зависело от субъекта миграции: если прибрежный торговец и тем более моряк отправлялся в дальние земли, это воспринималось как естественное явление и исполнение его дхармы (жизненного предназначения); если же «кала пани» («черную воду») пересекал брахман, этим он нарушал свою дхарму. Судьба же низкастового населения пуристов-брахманов не волновала: оно вольно было исполнять или нарушать свою дхарму, и зачастую среди представителей низших каст практические соображения брали верх над религиозными предписаниями. Через всю историю индийской диаспоры проходят эти две тенденции: попытки, с одной стороны, сохранить привычную социальную структуру и следовать религиозным требованиям, с другой – готовность пойти на уступки перед лицом практических потребностей. Это равно озадачивает как тех, кто стремится объяснить всю деятельность индийцев через призму привычных иерархий, так и тех, кто полагает, что сам факт миграции приводит к полному стиранию кастовых границ.

По мере модернизации индийского общества и распространения новых технологий отношение и к миграции, и к диаспорам менялось. Отчасти этому способствовала постепенная нормализация самого факта путешествия при условии строгого соблюдения обычаев и правил, в первую очередь пищевых, что способствовало минимизации сакрального ущерба; отчасти – внедрение новых видов транспорта, на которые не распространялись традиционные ритуальные запреты, например самолета. Кроме того, индийская диаспора достигла такого размера и распространилась настолько широко, что игнорировать факт ее существования стало невозможно – потребовалось адаптировать уже существующие социально-религиозные нормы к новым реалиям. Торговая индийская диаспора

на западном побережье Индийского океана пополнилась за счет администраторов, полицейских, наемных рабочих; очаги диаспоры образовались в Карибском бассейне, на островах Тихого океана, в портах Южной и Северной Америки, в Западной Африке, в портах Китая и Японии, в странах континентальной Европы, прежде всего во Франции и Германии. Это был динамичный, постоянно расширяющийся организм со сложной гетерархической структурой, узлы которого были связаны как между собой, так и с индоостанской метрополией.

После обретения Индией независимости перед ее новым руководством встала проблема: какую линию поведения выбрать в отношении этой диаспоры? Дж. Неру и его соратники стремились построить современное государство-нацию на основе крови, почвы и культуры. Лучшим вариантом, с их точки зрения, было бы возвращение представителей диаспор на историческую родину. Помимо этого, слабость и бедность Индии не позволяли ей использовать диаспоры как оружие; в результате, несмотря на предложения о включении в состав Индии ряда территорий с большой индийской диаспорой (к примеру, Фиджи), индийское руководство ограничилось выстраиванием государства-нации в очерченных в 1947 г. границах – вместо попыток использовать субимперский статус, которым Индия обладала в составе Британской империи. Связи с диаспорами были сведены к минимуму.

В результате после начала масштабной деколонизации индийская диаспора, проживавшая в британских колониях и доминионах, оказалась перед выбором: пытаться устроиться в новых национальных государствах, возвращаться на историческую родину или повторно мигрировать в бывшую имперскую метрополию. Выбирая между медленно развивавшейся Индией и Британией, предоставлявшей льготы мигрантам, переселенцы зачастую делали выбор в пользу европейского государства. Параллельно индийцы осваивали новые направления миграции, основными из которых стали страны Персидского Залива, где требовалась дешевая рабочая сила, и Канада, куда переехало большое число сикхов, в принципе более мобильных по сравнению с другими группами индийского общества¹. Индийское руководство смотрело на этот процесс сквозь пальцы: тогда считалось, что перенаселение порождает бедность, а отъезд низкообразованной части населения позволял снизить демографическое давление, способствовал формированию зарубежных диаспор, переводивших деньги родственникам в Индию, и в отдельных случаях приводил к вымыванию радикальных элементов.

Новое качество индийская миграция обрела после холодной войны, когда ускорение процесса глобализации, формирование единого мирового экономического пространства и стирание финансовых границ стимулировали создание новых производственных цепочек, характерной чертой которых стала еще более заметная географическая диверсификация. Этот процесс наложился на пик «цифровой революции» 1990-х гг. и массовое внедрение интернета, что привело к стремительному росту производительности компьютеров и формированию экстенсивно растущего рынка труда в новой цифровой сфере. Это, в свою

1 Бельский, Фурман 1992, 124.

очередь, стало причиной появления ряда социальных феноменов, в частности «цифровых кочевников», и стремительного роста индийской IT-индустрии. В результате сложилась специфическая система устойчивых взаимосвязей между Индией и США – тогдашним центром высокотехнологичных инноваций. В Кремниевой долине образовалась новая индийская диаспора, смешавшаяся со старой торговой и взаимодействовавшая как с географически близкой диаспорой в Канаде, так и с другими частями диаспоры в англоязычном мире, не разрывая при этом связи с метрополией. Все эти процессы в итоге привели к формированию нового феномена – глобальной индийской диаспоры, столь же сложной и неоднородной, как и само население Индии.

Индийскому руководству пришлось всерьез задуматься над изменением политики в отношении диаспоры. Это изменение отразилось даже в языке: появились термины *non-resident Indians* (индийцы-нерезиденты, *NRI*), *overseas citizens of India* (граждане Индии, проживающие за рубежом, *OCl*) и *people of Indian origin* (лица индийского происхождения, *PIO*)¹. Параллельно с миграцией низкоквалифицированных кадров начался отток высокообразованной и амбициозной молодежи, что грозило тяжелыми последствиями для индийской экономики. Не имея возможности остановить процесс миграции, индийские политические и интеллектуальные круги попытались найти в нем плюсы и обосновать его ценность. В результате появились две теории, первую из которых можно условно назвать «теорией внешней экономики», вторую – «теорией групп влияния».

Первая предполагала, что отъезд за границу индийских бизнесменов, молодых специалистов и абитуриентов создает базис для дальнейшего развития экономики метрополии: преуспевшие за рубежом представители диаспоры, сохранившие связи с родственниками, будут на первых порах переводить им деньги, а впоследствии, достигнув высоких позиций в экономике, инвестировать в Индию и формировать деловые связи с местными предпринимателями – то есть превратятся в экономических агентов, заинтересованных в укреплении двусторонних торговых и финансовых отношений. При этом Индия избавится от необходимости вкладывать деньги в ускоренное развитие инфраструктуры для удовлетворения завышенных требований этого слоя².

В основе второй теории лежал тезис о том, что по мере укоренения индийской диаспоры в местном социальном пространстве ее представители начнут играть все более заметную и важную роль в политике. Представители второго или третьего поколения диаспоры смогут избираться на высшие руководящие посты и занимать руководящие должности, так как не будут восприниматься как чужаки – в отличие от мигрантов первого поколения. При этом, будучи по сути «детьми третьей культуры», они превратятся уже в политических агентов, старающихся укрепить политическое взаимодействие с родиной своих отцов и дедов.

Обе эти теории, популярные в индийском политическом дискурсе и по сей день, таким образом, не подразумевали, что диаспоры станут непосредственными инструментами индийского влияния. Вместо этого предполагалось, что их

1 Abraham 2014, 74.

2 См., например: Sahay 2009.

члены, действуя в своих интересах, естественным образом послужат укреплению взаимосвязей страны пребывания и метрополии. Чтобы увидеть, насколько это удалось, имеет смысл рассмотреть три примера, в каждом из которых индийская диаспора сыграла особую роль: Маврикий, Фиджи и США.

Маврикий

К моменту открытия Маврикия европейцами на нем отсутствовало местное население. Первое постоянное поселение на острове было основано голландцами в XVII в. и заброшено в 1710 году. Пять лет спустя он был захвачен французами, и с этого момента начинается история маврикийской индийской диаспоры. Французская Ост-Индская компания завозила на остров индийских рабочих из Пондишери, хотя и в незначительных количествах, отдавая предпочтение африканцам. При этом сам характер хозяйства Маврикия, глубоко интегрированного в колониальную экономику и основанного на выращивании сахарного тростника и изготовлении сахара, требовал экстенсивного расширения производства и, соответственно, постоянного завоза рабочей силы.

После перехода Маврикия под контроль британцев в 1810 г. и последовавшей в течение нескольких десятилетий отмены рабства ситуация изменилась. На момент захвата Маврикия британцами там жили около 75 тыс. человек¹. Для того чтобы удовлетворить растущую потребность в рабочих руках, британцы организовали массовый завоз рабочих из Индии, нанятых по системе индентуры, а также управляющего персонала и солдат. Многие из этих мигрантов, происходивших из беднейших слоев населения, после окончания срока контракта оставались на острове; в результате к моменту получения Маврикием независимости там сложилась огромная в процентном отношении индийская диаспора. В настоящий момент индо-маврикийцы составляют 65,7% населения острова, доминируют как в политической, так и в экономической и культурной жизни. При этом в силу специфических условий формирования диаспоры (завоз представителей преимущественно низкокастовых сообществ с севера Индии, говорящих на языке бходжпури, к которым позже присоединились носители языка телугу с юга страны²) на Маврикии сложилась собственная кастовая система, отличная от общеиндийской, а также возникли свои религиозные практики, предусматривающие большую степень синкретизма³.

Маврикий, получив независимость в 1968 г., избежал экономического кризиса, с которым столкнулись многие африканские страны на материке. Это произошло в основном благодаря росту мировых цен на сахар в 1970-х гг. и крайне выгодным для Маврикия условиям «Сахарного протокола» между ЕЭС и государствами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, который был подписан в 1975 году. Заговорили даже о «маврикийском экономическом чуде». Пользуясь притоком средств в бюджет, правительство пыталось диверсифицировать экономику и развивать другие секторы, в первую очередь туризм. Однако

1 Chandrasekar 1988, 50.

2 Bhat, Bhaskar 2007, 96–99.

3 Дридзо et al. 1978, 125.

к концу 1970-х гг. сахарный бум в мире закончился, цены на нефть выросли, и экономическая ситуация на Маврикии начала постепенно ухудшаться.

В 1982 г. Маврикий подписал с Индией договор об избежании двойного налогообложения. В начале 1990-х гг., когда в Индии начался активный процесс либерализации экономики, этот документ стал основой для трансформации Маврикия в крупнейший финансовый офшор в Индийском океане. Она была возможна благодаря тесным связям индийской диаспоры на Маврикии с бизнес-кругами метрополии, что позволило сформировать сеть контактов между политическими и экономическими элитами обеих стран. В результате Маврикий превратился в крупнейший источник прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для Индии (около 170 млрд долл. США с апреля 2000 по сентябрь 2016 гг., что составило 32,8% от общего объема ПИИ в Индию за это время)¹. При этом источники инвестиций остаются неизвестными: судя по результатам исследований, опубликованных в СМИ, во многих случаях речь идет о средствах, до того выведенных из индийской экономики на счета офшорных компаний, принадлежащих крупным индийским и международным конгломератам².

Однако в последние годы значение Маврикия как офшорного хаба для индийского бизнеса падает. После присоединения Индии к Многосторонней конвенции по имплементации мер, связанных с налоговыми соглашениями, для предотвращения размывания налоговой базы и вывода доходов из-под налогообложения лидером по уровню ПИИ в индийскую экономику стал Сингапур. В свою очередь, внесенные в марте 2024 г. поправки в соглашение между Индией и Маврикием об избежании двойного налогообложения могут привести к частичному коллапсу офшорной финансовой структуры Маврикия. Таким образом, можно заключить, что теория об особой экономической роли диаспор себя оправдала, но достаточно своеобразным образом: индийский частный сектор, несомненно, извлек и продолжает извлекать прибыль из деятельности диаспоры, но бюджет Индии ежегодно теряет миллиарды долларов.

При этом индийское население Маврикия далеко не однозначно относится к политике Индии в регионе. Несмотря на активное развитие двусторонних связей, в 2018 г. маврикийская оппозиция, представленная, в частности, Рабочей партией, чей электорат состоит преимущественно из индомаврикийцев, выступила против строительства индийской военно-морской базы на острове Агалега в соответствии с соглашением 2015 г., мотивируя это финансовой непрозрачностью сделки и опасениями насчет того, что Маврикий может быть втянут в противостояние между Индией и Китаем. В результате правительства Маврикия и Индии вынуждены были заявить, что база строится в интересах маврикийской Службы береговой охраны, а не ВМС Индии.

Стремясь погасить беспокойство населения Маврикия, Индия с тех пор реализовала ряд гуманитарных инициатив, проведя, в частности, серию мероприятий в рамках проекта *Mausam*, которые были посвящены теме исторически сложившихся культурных и социальных связей народов Индии и Маврикия.

1 Kotha 2017.

2 О роли Маврикия как офшора см.: Thakurta, Jain 2017.

Во время коронакризиса Маврикий стал одним из получателей индийской медицинской и гуманитарной помощи. Эти меры вкупе с обещаниями местных политиков не допустить превращения Маврикия в индийский плацдарм для противостояния Китаю помогли успокоить население, что позволило продолжить строительство базы на острове Агалега.

В целом можно отметить, что даже в условиях, когда диаспора составляет большинство, а политические связи с метрополией чрезвычайно крепки, диаспора не выступила единым фронтом и не поддержала индийский геополитический проект, нацеленный на формирование сети баз в противовес якобы существующей китайской «Нити жемчуга». Вместо этого она предпочла ориентироваться на собственные национальные интересы – в том виде, в котором их понимали члены диаспоры.

Фиджи

Принципиально иначе формировалась индийская диаспора на Фиджи. В отличие от Маврикия, к моменту прибытия европейцев острова Фиджи были заселены, там существовала собственная государственность, сохранявшаяся, хотя и с некоторыми ограничениями, вплоть до 1874 г., когда эта территория стала британской колонией. Хотя проникновение европейских плантаторов и создание плантационной системы для выращивания хлопка началось еще в 1860-х гг., британское правительство отказывалось одобрять использование индийских рабочих. В результате первая группа индийцев, нанятых в рамках системы индентуры, прибыла на острова только в 1879 году.

В последующие годы потребность в рабочих руках постоянно росла, так как британские власти начали переориентацию экономики острова на выращивание монокультуры – сахарного тростника. Как и на Маврикии, работники нанимались в разных частях Индии и происходили преимущественно из низкастовых сообществ; как и на Маврикии, они в итоге сформировали собственную специфическую идентичность, связанную с общеиндийской. При этом, в отличие от Маврикия, эта идентичность изначально формировалась как идентичность меньшинства, в условиях численно преобладающего автохтонного населения и сравнительно небольшого числа смешанных браков. Обособлению диаспоры способствовали и условия ее проживания: британцы, стремящиеся избежать конфликтов с местными жителями, выстроили параллельную структуру колониальной экономики; обслуживающие ее рабочие жили в полурабских условиях, не имея возможности приобретать землю после окончания срока контракта¹. Окончательно система индентуры была отменена лишь в 1920 году.

Следующая волна мигрантов качественно отличалась от плантационных рабочих: это были образованные индийцы, ехавшие на Фиджи либо в надежде улучшить свое финансовое положение, либо по контракту с властями колонии. Среди них были проповедники, юристы, клерки, полицейские, ремесленники, врачи и учителя, сформировавшие образованную элиту диаспоры. Постепенно

1 Brown 2006, 63.

индо-фиджийцы отвоевывали себе все больше прав, что приводило к росту напряженности как между ними и коренными фиджийцами, так и между индо-фиджийцами и колониальными властями, регулярно использовавшими разногласия между крупнейшими этническими группами в своих целях.

Рост численности индийской общины за счет высокой рождаемости и иммиграции привел к тому, что на момент провозглашения независимости Фиджи в 1970 г. число индо-фиджийцев превысило число коренных фиджийцев. Это вкупе с нехваткой земель и начавшейся хаотичной урбанизацией, менявшей этнический состав городских общин¹, серьезно затруднило переговоры о представительстве в парламенте и достижение хрупкого равновесия, которое было нарушено в 1987 г.: после прихода к власти коалиционного правительства при поддержке индо-фиджийцев армия, состоявшая из коренных фиджийцев, организовала два военных переворота. В итоге на Фиджи была провозглашена республика, а в 1990 г. принята конституция, содержащая явно дискриминационные статьи в отношении индо-фиджийцев. Это, в свою очередь, привело к их массовой эмиграции с острова, причем прежде всего уезжали хорошо образованные представители среднего класса и бизнесмены². В 1997 г. дискриминационные статьи конституции были отменены; на выборах 1999 г. вновь победила коалиция с участием индо-фиджийцев, причем премьером стал этнический индиец Махендра Рой Чаудхри, но год спустя правительство было опять свергнуто в результате военного переворота, поддержанного деятелями методистской церкви. Ситуация нормализовалась лишь после 2006 года.

Сейчас индо-фиджийцы составляют около 38% населения страны. Они в значительной степени геттоизированы, проживают в «сахарном поясе»³ и на северо-западном побережье двух крупнейших островов – Вити-Леву и Вануа-Леву. Показательно, что в значительной степени самоидентификация индийской диаспоры происходит по религиозному признаку: в то время как исповедующие разные формы индуизма и ислама (суммарно более 90% всей общины) индо-фиджийцы считают себя частью диаспоры, принадлежащие к методистской церкви индийцы отделяют себя от общины, поддерживая в целом позиции фиджийцев.

Никакой роли в развитии экономических отношений с Индией индийская диаспора на Фиджи не играет. При этом сам вопрос о дискриминации индийского населения служит постоянным раздражителем в двусторонних отношениях. Индийское правительство, не имея ни возможности, ни желания вмешиваться в ситуацию с диаспорой на Фиджи, тем не менее не могло игнорировать дискриминационные меры фиджийских властей и после военных переворотов активно лоббировало введение антифиджийских санкций. После того как в 2005 г. начался процесс постепенного сближения Индии и Фиджи, вопрос диаспоры вновь приобрел остроту. Так, бывший премьер М. Чаудхри пытался разыграть карту метрополии, намекая, что Индия откажется помогать Фиджи экономически, если власти острова примут закон об амнистии участников переворота 2000 года.

1 Lal 2015, 67–68.

2 Котин 2003, 47.

3 Территория, на которой в структуре производства преобладает выращивание сахарного тростника и изготовление сахара.

Премьер-министр М. Сингх вынужден был опровергать это заявление. В целом индийская диаспора на Фиджи – это фактор, который скорее осложняет индо-фиджийские отношения, нежели способствует их развитию.

США

В США процесс формирования индийской диаспоры шел на протяжении всего XIX в., причем достаточно медленно. Затруднения были связаны с тем, что индийские рабочие, решившие мигрировать в Северную Америку, зачастую предпочитали Британскую Колумбию, где им не приходилось конкурировать с китайской диаспорой. При этом в самих США интерес к Индии в это время рос – благодаря, во-первых, деятельности политических активистов и борцов за свободу и, во-вторых, проповедям индийских «духовных учителей», которые становились все более популярными в американском обществе. Парадоксальным образом этот интерес в последующие десятилетия соседствовал с жесткими дискриминационными мерами (запрет на владение землей и смешанные браки)¹.

Ситуация изменилась лишь в 1965 г., когда был принят закон, существенно облегчавший миграцию². С тех пор темпы индийской иммиграции в США в среднем держались на уровне 40 тыс. чел. в год, в 1990-е гг. они возросли более чем вдвое, составив 90 тыс. чел. ежегодно. Это было связано с растущей потребностью в дешевой и квалифицированной рабочей силе и с началом бума доткомов. Достаточно быстро индийцы вышли на первое место среди получателей виз типа *H-1B* и благодаря быстрым деньгам, которые можно было заработать в *IT*-сфере, превратились в самую богатую этническую группу в США. С тех пор их ряды стабильно пополняются за счет молодых специалистов, приезжающих в поисках лучшей жизни, и получивших образование в США индийцев, на момент окончания университета уже знакомых с местными реалиями. Это наиболее предприимчивая и амбициозная прослойка индийской молодежи; она более образованна по сравнению со средними американцами (71% бакалавров и 40% магистров по сравнению с 10 и 11% соответственно) и предпочитает хорошо оплачиваемую «чистую» работу (более 75% индийцев в США по сравнению с 43,2% в целом по стране работают в сфере управления, бизнеса, науки и искусства). Неудивительно, что стремящиеся сделать карьеру и добиться высот в бизнесе через внедрение инноваций индийцы часто поднимаются на руководящие должности в крупных компаниях. При этом индийская диаспора сохраняет обособленность: внутри нее часты договорные браки, сравнительно низок показатель смешанных браков, в компаниях соблюдаются характерные для Индии религиозные обычаи и формируется социальная иерархия. Существуют собственные радио и телевидение, своя литература.

Благодаря своим голосам и деньгам индийцы являются перспективной электоральной группой для представителей обеих ведущих политических партий. Стремясь заручиться голосами индийской диаспоры, они форсируют и без того уже начавшийся естественный процесс постепенного вовлечения этнических

1 Chakravorty et al. 2017, 8.

2 Verma 2018, 77.

индийцев в политику. С каждым годом растет число индийцев на высоких государственных должностях: в 2007 г. Б. Джиндал стал первым губернатором индийского происхождения, в 2017 г. К. Харрис стала первым сенатором-индийцем, а в 2020 г. – первым этническим индийцем, занявшим должность вице-президента. В 2024 г. она стала кандидатом на президентский пост от Демократической партии. Несмотря на ее поражение, численность представителей индийской диаспоры во власти продолжает расти. Так, одним из наиболее ярких игроков в команде Трампа стал В. Рамасвами, а на момент написания статьи фаворитом гонки за кресло мэра Нью-Йорка является З. Мамдани.

В соответствии с «теорией внешней экономики» США – с их богатой индийской диаспорой и отсутствием накопившихся исторических проблем – должны были бы выступать основным источником инвестиций в экономику Индии. Между тем в списке инвесторов США стабильно находятся на третьем – пятом местах, несмотря на все попытки индийского правительства привлечь инвестиции от лиц индийского происхождения при помощи дополнительных льгот. Более того, растет обратный денежный поток: богатые индийцы все активнее инвестируют в американскую экономику. Преуспевающие же представители диаспоры предпочитают вкладывать деньги не в индустрию, а в элитную недвижимость, способствуя тем самым сохранению высоких цен на нее.

При этом индийская экономика получает большое количество денег из США в виде денежных переводов, отправляемых мигрантами на родину. Этот процесс рассматривается индийским правительством как важный вклад в поддержание благосостояния населения, тем более что переводимые средства не выводятся из страны, а либо тратятся на семейные нужды (61%)¹, либо размещаются в банковских учреждениях (20%), либо инвестируются в новые активы (7%)². Показателен рост объема денежных переводов при отсутствии в то же время столь же значимого роста ПИИ со стороны лиц индийского происхождения. Это объясняется в первую очередь разрывом между формальной и неформальной частями индийской экономики. Как и в случае Маврикия, львиная доля переводимых средств задействуется в той или иной форме прежде всего в рамках неформальной экономики, а интересы ее акторов зачастую противоречат интересам государства в том смысле, в каком их понимает бюрократия.

Это противоречие касается не только инвестиций и денежных переводов. Показателен скандал с попыткой правительства Индии привлечь в 1999 г. целевые ПИИ в страдающий от недофинансирования образовательный сектор; хотя бывшие выпускники индийских технических вузов сумели собрать значительные средства, программа столкнулась с сопротивлением со стороны оппозиции и гражданских активистов, обвинивших представителей американско-индийской диаспоры в попытке теневой приватизации университетов и превращения их в кузницу кадров для американского IT-сектора вместо индийского³.

1 В эту категорию, в частности, включаются средства, перечисляемые членами диаспоры на поддержку престарелых родственников – своего рода «семейные пенсии», см.: Gowricharn 2022.

2 "Overseas Indians: A Force in National Economy," Economic Diplomacy Division, Ministry of External Affairs of India, May 10, 2018, accessed June 23, 2025, <https://indbiz.gov.in/overseas-indians-a-force-in-national-economy/>.

3 Lessinger 2003, 166–167.

В еще меньшей степени подтверждается «теория групп влияния», несмотря на многообещающее начало – формирование в первой половине 1990-х гг. кокуса по Индии в Конгрессе и Американско-индийского комитета политического действия. Приход на высшие административные и политические должности этнических индийцев играет сравнительно небольшую роль в процессе индо-американского сближения. Более того, они в основном озабочены внутри-политическими вопросами, пытаясь показать себя большими американцами, чем пресловутые *WASP* – белые протестанты англосаксонского происхождения. Они нередко критикуют Индию, чтобы завоевать доверие избирателей и продемонстрировать готовность действовать в духе общего нарратива, продвигаемого американским истеблишментом. Н. Хейли, к примеру, критиковала Индию за загрязнение окружающей среды, призывая США «противостоять» ей наряду с КНР¹; К. Харрис подвергла правительство Моди критике по болезненному для индийских властей кашмирскому вопросу². Индийская культурная идентичность используется американскими политиками индийского происхождения в первую очередь для привлечения голосов избирателей.

При этом в трудах экспертов из Индии и даже в правительственных документах периода «диаспорального оптимизма» рубежа веков можно встретить упоминания о ценных политических дивидендах, которые страна извлекла из деятельности диаспоры: так, именно ее политическому влиянию приписывается снятие санкций после ядерных испытаний 1998 г. и призыв США к отводу пакистанских сил из Каргила в 1999 году³. Зачастую эти панегирики силе и влиятельности диаспоры некритически транслируют зарубежные, в том числе российские, ученые. В то же время тщательный анализ показывает, что в части перечисленных эпизодов американские политики и чиновники принимали решения, исходя из рациональных представлений о пользе того или иного шага для США⁴. Сам факт влияния индийской диаспоры на принятие решения доказать невозможно.

Определенным индикатором для проверки политической мощи индийской диаспоры стал кризис вокруг закупок российской системы С-400 для вооруженных сил Индии. Невзирая на все попытки использовать влияние своей диаспоры для того, чтобы обеспечить эту закупку и вывести Индию из-под угрозы санкций, в итоге ее власти получили желаемое только благодаря деятельности Пентагона и Госдепартамента, сумевших убедить Конгресс и Сенат с использованием исключительно прагматичных аргументов.

При этом существует одна социальная группа, которая фактически реализует «теорию групп влияния», хотя зачастую неосознанно. Речь идет об этнических индийцах, входящих в экспертное сообщество США и пытающихся действовать одновременно в интересах Соединенных Штатов и Индии –

1 "Indian-Origin US Politician Nikki Haley Calls India 'One of the Biggest Polluters,'" The Economic Times, June 7, 2023, accessed June 23, 2025, <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/indian-origin-us-politician-nikki-haley-calls-india-one-of-the-biggest-polluters/articleshow/100817233.cms>.

2 "Kamala Harris Gets Muted Response in India as Few See Change in US Ties," The Times of India, July 23, 2024, accessed June 23, 2025, <https://timesofindia.indiatimes.com/world/us/kamala-harris-gets-muted-response-in-india-as-few-see-change-in-us-ties/articleshow/111943467.cms>.

3 Gottschlich 2008, 165–167.

4 "Sanctions Off; NASA Lab Asks ISRO to Partner for Moon Mission," The Economic Times, February 13, 2011, accessed June 23, 2025, <https://economictimes.indiatimes.com/sanctions-off-nasa-lab-asks-isro-to-partner-for-moon-mission/articleshow/7488573.cms>.

в том смысле, в каком они их понимают, интегрируя официальные индийские внешнеполитические нарративы в американский политический дискурс. Это объясняется как естественным патриотизмом, так и карьерными возможностями, которые открываются на родине перед экспертами, имеющими опыт работы в американских аналитических центрах. Представителей этой группы можно отнести к особому виду диаспоры – *научно-экспертной*. В значимых количествах за рубежом она присутствует только в Британии и США, причем если в Британии превалирует в основном академическая составляющая, то в США – экспертная. Однако уровень политического влияния этой социальной группы сравнительно невелик даже в рамках американского экспертного сообщества. В итоге остается только согласиться с С.И. Луневым, указавшим на то, что Дели склонен переоценивать степень влияния индийской диаспоры в США¹.

Выводы

Индийская диаспора – уникальный феномен, который вошел в стадию глобализации во время Британской империи, а в наши годы также продолжает активно расширяться и трансформироваться. Из анализа трех представленных случаев видно, что надежды на использование политического влияния диаспоры не оправдались практически нигде. В лучшем случае принадлежность политика к диаспоре упрощает коммуникацию с ним, при этом он все равно отдает приоритет интересам своего государства-нации; в худшем, как на Фиджи, само наличие диаспоры осложняет реализацию внешней политики Индии на конкретном направлении.

В свою очередь, «теория внешней экономики» оказалась отчасти рабочей, но полностью оценить влияние денежных переводов на индийскую экономику возможно лишь учитывая темпоральный фактор и специфику индийской теневой экономики. Так, диаспора стала важным драйвером развития экономики Индии в эпоху П.В. Нарасимха Рао в начале 1990-х гг. на нее приходилось 24–29% всего объема ПИИ, вкладываемых в наиболее перспективные и передовые отрасли (*IT*, автомобилестроение)². Кроме того, индийцы, инвестировавшие в экономику метрополии, помогали местным компаниям открывать новые рынки и налаживать связи за рубежом. По мере трансформации национальной и мировой экономики схема инвестирования изменилась, объем ПИИ со стороны диаспоры существенно снизился: в период с 1991 по 2003 гг. на долю диаспоры пришлось всего лишь 4,18% от общего объема³, при этом существенно вырос объем депозитов представителей диаспоры в индийских банках. Такая ситуация выгодна как самим банкам, так и акторам теневой экономики, эффективно использующим получаемые из-за рубежа средства. Теневые схемы позволяют им избегать налогов и мешают в полной мере задействовать денежные потоки в интересах развития национальной экономики.

1 Лунев 2023, 146.

2 Min 2014, 214.

3 Sahay 2014, 89.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бельский, А.Г., Фурман, Д.Н. Сикхи и индусы: религия, политика, терроризм. М.: Наука, 1992.
- Bel'skii, Albert G., and Dmitry N. Furman. *Sikhs and Hindus: Religion, Politics, Terrorism*. Moscow: Nauka, 1992 [In Russian].
- Дридзо, А.Д., Кочнев, В.И., Семашко, И.М. Индийцы и пакистанцы за рубежом. М.: Наука, 1978.
- Dridzo, Abram D., Valentin I. Kochnev, and Irina M. Semashko. *Indians and Pakistanis Abroad*. Moscow: Nauka, 1978 [In Russian].
- Котин, И.Ю. Побег баньяна. Миграция населения из Индии и формирование «узлов» южноазиатской диаспоры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
- Kotin, Igor Yu. *Banyan Shoots. Migration of Population from India and the Formation of South Asian Diaspora "Nodes"*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003 [In Russian].
- Лунев, С.И. Развитие индийской диаспоры и ее влияние на внешнеполитическую стратегию Индии // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 134–149. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2023-4-134-149>.
- Lunev, Sergey I. "The Development of the Indian Diaspora and Its Impact on India's Foreign Policy Strategy." *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 4 (2023): 134–149 [In Russian].
- Abraham, Pitty. *How India Became Territorial. Foreign Policy, Diaspora, Geopolitics*. Stanford: Stanford University Press, 2014.
- Bhat, Chandrashekhar, and Lakshmi S. Bhaskar. "Contextualising Diasporic Identity: Implications of Time and Space on Telugu Immigrants." In *Exploring Trajectories of Migration and Theory*, edited by Gijsbert Oonk, 89–118. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2007. <https://doi.org/10.1515/9789048501069-005>.
- Brown, Judith M. *Global South Asians: Introducing the Modern Diaspora*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Chakravorty, Shourjo, Devesh Kapur, and Nirvikar Singh. *The Other One Percent: Indians in America*. New York: Oxford University Press, 2017.
- Chandrasekar, Sripathi. "Growth and Characteristics of Population – The Island of Mauritius: 1767–1987." In *From India to Mauritius. A Brief History of Immigration and the Indo-Mauritian Community*, edited by S. Chandrasekar. La Jolla: Population Review Books, 1988.
- Gottschlich, Pierre. "The Indian Diaspora in the United States of America: An Emerging Political Force?" In *Tracing an Indian Diaspora. Contexts, Memories, Representations*, edited by Parvati Raghuram, Ajaya Kumar Sahoo, Brij Maharaj, and Dave Sangha, 156–171. New Delhi: Sage Publications, 2008.
- Gowricharn, Ruben. "Indian Diaspora Economics: The Entanglement of Economics with Culture." In *New Perspectives on the Indian Diaspora*, edited by Ruben Gowricharn, 143–160. London; New York: Routledge, 2022.
- Kisukidi, Nadia Yala. "On the Return: The Political Practices of the African Diaspora." In *The Politics of Time: Imagining African Becomings*, edited by Achille Mbembe, and Felwine Sarr, 96–117. Cambridge: Polity Press, 2023.
- Kotha, Ashrita Prasad. "The Mauritius Route: The Indian Response." *Saint Louis University Law Journal* 62, no. 1 (2017): 203–218.
- Lal, Brij V. "The World Becomes Stranger, the Pattern More Complicated": Culture, Identity and the Indo-Fijian Experience." In *Indian Diaspora: Socio-Cultural and Religious Worlds*, edited by Penumala Pratap Kumar, 52–72. Leiden: Brill, 2015.
- Lessinger, Johanna. "Indian Immigrants in the United States: The Emergence of a Transnational Population." In *Culture and Economy in the Indian Diaspora*, edited by Bhikhu Parekh, Gurharpal Singh, and Steven Vetrovec, 165–182. London: Routledge, 2003.
- Min Ye. *Diasporas and Foreign Direct Investment in China and India*. New York: Cambridge University Press, 2014.
- Sahay, Anjali. *Indian Diaspora in the United States: Brain Drain or Gain?* Plymouth: Lexington Books, 2009.
- Sahay, Anjali. "Giving Back to India: Investment Opportunities and Challenges." In *Tracing the New Indian Diaspora*, edited by Om Prakash Dwivedi, 81–98. New York; Amsterdam: Rodopi, 2014. https://doi.org/10.1163/9789401211710_001.
- Thakurta, Paranjy Guha, and Shinzani Jain. *Thin Dividing Line. India, Mauritius and Global Illicit Financial Flows*. Delhi; Mumbai: Penguin Random House India, 2017.
- Tuathail, Graroid O. *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space*. London: Routledge, 1996.
- Verma, Saunjuhi. "Labour Policy and Global Indian Diaspora." In *Routledge Handbook of the Indian Diaspora*, edited by Ratha Sarma Hegde, and Ajaya Kumar Sahoo, 77–90. London; New York: Routledge, 2018.
- Wimmer, Andreas, and Nina Glick Schiller. "Methodological Nationalism, the Social Sciences and the Study of Migration: An Essay in Historical Epistemology." *International Migration Review* 37, no. 3 (2003): 576–610. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00151.x>.

Сведения об авторе

Куприянов Алексей Владимирович,

к.и.н., руководитель Центра Индоокеанского региона Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова

Российской академии наук

117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23

e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 2 июня 2025.

Переработана: 23 июня 2025.

Принята к публикации: 26 июня 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Куприянов, А.В. Индийская диаспора между политикой и бизнесом // Международная аналитика. 2025. Том 16 (2). С. 46–62.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-46-62>

Indian Diaspora Between Politics and Business

ABSTRACT

The formation of a global Indian diaspora is one of the most important processes in the context of the ongoing globalization. Members of the diaspora are gradually occupying increasingly higher positions in the economic and political life of the recipient countries, but the benefits that India derives are the subject of much debate. There is a conception that as ethnic Indians advance to senior positions in big business and government agencies overseas, the economies and foreign policies of these countries become increasingly friendly to India. The author attempts to test this hypothesis analyzing three different cases: Mauritius, Fiji, and the USA. While in Mauritius the Indian diaspora constitutes the majority of the island's population, the Indians remain a discriminated minority in Fiji. In the USA, the Indian diaspora has become an important part of the political landscape, with Indians occupying senior positions in all recent presidential administrations. The article concludes that the hypothesis about the potentially important role of the Indian diaspora is not confirmed in all three cases. In Mauritius, the diaspora perceives itself as part of the Mauritian nation and is not going to act in the political interests of the metropolis. The Indian diaspora in Fiji is more of a foreign policy challenge to India. Finally, the American Indian diaspora is reluctant to invest in key sectors of Indian industry, as politicians of Indian origin seek to confirm loyalty to their new homeland instead of acting in the interests of India.

KEYWORDS

India, diaspora, Fiji, Mauritius, USA, soft power

Author

Alexey V. Kupriyanov,

PhD (Hist.), Head of the Centre of the Indo-Pacific Region, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997

e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Additional information

Received: June 2, 2025. Revised: June 23, 2025. Accepted: June 26, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kupriyanov, Alexey V. "Indian Diaspora Between Politics and Business."

Journal of International Analytics 16, no. 2 (2025): 46–62.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-46-62>